

СТИХИ, ОБОРВАННЫЕ ПУЛЕЙ

СОВЕТСКИЕ ПОЭТЫ, ПАВШИЕ
НА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Сборник Стихи, оборванные пулей. Советские поэты, павшие на Великой отечественной войне

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57484519

*СТИХИ, ОБОРВАННЫЕ ПУЛЕЙ. Советские поэты, павшие на Великой
Отечественной войне. : Художественная литература; Москва; 2020
ISBN 978-5-280-03927-8*

Аннотация

Поэты, чьи произведения частично представлены в сборнике, погибли в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Люди разных возрастов и национальностей, признанные поэты и начинающие – всех их объединила судьба бойцов в пору тяжелых народных бедствий. Материалы о каждом поэте сопровождаются краткой биографической справкой.

Содержание

Знамение времени	6
Евгений Абросимов	10
Сын	13
Море	15
Владимир Аврущенко	16
Клятва	20
«В тени знамен, нахохленных, как птицы...»	21
Джек Алтаузен	22
Родина смотрела на меня	26
Партбилет	28
Александр Артёмов	29
Знамя	32
Наступление	34
Вячеслав Афанасьев	36
«Застигнутый последней метой...»	39
Иртыш	41
Всеволод Багрицкий	43
«Нам не жить, как рабам...»	47
Ожидание	48
«Мне противно жить не раздеваясь...»	50
Борис Богатков	51
«На родном зауральском заводе...»	55
Девять ноль-ноль	56

Дмитрий Вакаров	58
Бунтари	62
«Не помогут нам стоны...»	63
Леонид Вилкомир	64
«Жизнь моя не повторится дважды...»	68
Бессмертие	69
Наше время	70
Александр Гаврилюк	73
«Вот фрагмент березняцкой ограды: меж столбами колючка густая...»	77
«Меж колючек ощеренных, словно...»	79
Непредвиденный эпилог	81
Мирза Геловани	84
Простите	87
Ты	88
У братской могилы	89
Кость Герасименко	90
Из фронтового блокнота	93
Песня	95
Михаил Гершензон	97
«Что случилось с небосводом?...»	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

**Сборник
Стихи, оборванные
пулей. Советские поэты,
павшие на Великой
отечественной войне**

© Оформление А. О. Муравенко, 2020

© Издательство «Художественная литература», 2020

Знамение времени

*...Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
и ждем приказа нового. И пусть
не думают, что мертвые не слышат,
когда о них потомки говорят.*

Николай Майоров

В этом году исполнилось 75 лет со дня победы над фашизмом. Победы, одержанной всем свободолюбивым человечеством, но прежде всего – героическим советским народом, вынесшим на своих плечах всю тяжесть Великой Отечественной войны. Считаю честью для себя представить читателям созданную коллективом издательства «Художественная литература» документальную книгу о поэтах, погибших в годы Великой Отечественной войны, чьи стихи сведены под обложку этого сборника. Они пали в яростных приграничных схватках в самом начале войны, в боях под Москвой и Сталинградом, в сражениях на Курской дуге и на Днепре, в небе над Будапештом и Берлином. Одни приняли смерть, прорываясь из окружения, другие – в гестаповских застенках и бараках лагерей для военнопленных, третьи – на явочных квартирах подпольщиков, четвертые – при выполнении партизанских заданий. Это люди разных возрастов и языков,

разной меры таланта, признанные поэты и начинающие стихотворцы – все они объединены судьбой бойцов в пору самых тяжких народных бедствий.

С того зловещего предрассветного часа, когда над нашими городами и селами впервые раздался натужный вой гитлеровских бомбардировщиков, советская поэзия объявила себя «мобилизованной и призванной» на защиту Родины. Она верно несла солдатскую службу до минуты, пока не прозвучал последний выстрел Великой Отечественной войны. Более тысячи советских литераторов стали бойцами, командирами, политработниками, военными корреспондентами, около трехсот из них отдали жизнь в кровопролитных сражениях.

С первых дней войны изменились условия творчества и не мог не измениться его характер. Стихи, очерки, поэмы, рассказы создавались в землянках и траншеях, в недолгие часы фронтового затишья. Надо было писать очень быстро, надо было находить форму, обеспечивающую максимальную доходчивость, доступность написанного. В поэзии преобладает короткое, лозунгово броское стихотворение, обращенное непосредственно к солдату, прославляющее его мужество, зовущее на новые подвиги. Нужна листовка в стихах – писалась листовка, требовалось четверостишие к плакату или стихотворный фельетон – писались четверостишие и фельетон. Поэзия выступала союзницей боевого оружия, она стремилась стать ближе солдатам, быть им необходимой, как воз-

дух, как хлеб, как винтовка и снаряды.

Известная истина: Великая Отечественная война не миновала ни одного советского дома. Не обошла она и наш общий исторический дом – легендарное издательство «Художественная литература», в фойе которого висит мемориальная доска со славными именами сотрудников, павшими в годы Великой Отечественной. Сегодня мы воздаем им память этой необычной поэтической книгой. В ней представлены стихи поэтов, работавших в свое время завредакциями в «Худлите» и ушедших на фронт, и не вернувшихся – сложивших головы во имя Великой Победы. Это Михаил Гершензон, Иван Пулькин, Иосиф Уткин.

Мы мало знаем о последних часах и днях других писателей и поэтов. Война не бережет документов и не щадит очевидцев, только лишний раз убеждаемся: скольких талантов мы лишились, сколько еще могли сказать эти люди, каким значительным вкладом в литературу стало бы их дальнейшее творчество.

Пятьдесят два имени поэтов. Пятьдесят две человеческие судьбы, пятьдесят две жизни, стремившиеся высказать себя в звучащем слове.

Пустота, казалось бы, навсегда поглотила их имена. Но мы в редакции и наши читатели убеждены: забвение не всесильно. Памятником поэтам остаются их стихи.

Низкий поклон и вечная и благодарная память всем им!
С Днем Победы!

*Алексей ГРИШАНОВ, директор издательства
«Художественная литература»*

Евгений Абросимов

1911-1943

Евгений Павлович Абросимов родился в Москве 7 ноября 1911 года в семье служащего. Еще в школе начал сочинять стихи. В 1932 году он окончил техникум Мособлдортранса и стал работать механиком на заводе, затем поступил в Литературный институт, который закончил в 1937 году.

В 1930-е годы стихи Е. Абросимова появляются в «Комсомольской правде», «Крестьянской газете», «Молодом колхознике», «Литературной газете», в журналах «Молодая гвардия», «Смена». В 1934 году выходит коллективный сборник трех авторов – Евгения Абросимова, Александра Жислина, Владимира Замятина.

В 1937 году в сборнике «Молодая Москва» публикуется цикл стихотворений молодого поэта. Е. Абросимов хотел написать книгу о людях первых пятилеток. С этой целью он много ездил по стране, побывал в Сибири, Якутии, Закавказье.

Летом 1939 года Е. Абросимов отправился в годичную творческую командировку по стране. Собирая материал для первой книги своих стихов, поэт хотел назвать ее «О времени и о себе». Но планам этим не суждено было сбыться. Е. Абросимов ушел на фронт и 17 июля 1943 года при выполнении боевого задания пал смертью храбрых.

Сын

Александр, Владимир, Станислав —
Сколько было жизней, сколько слав!

Вечер будет красновато-синим,
Я склоняюсь над колыбелью сына.

Люди те
не ведали покоя,

В жизнь и смерть
без устали
играя.

Имя
нужно дать ему
другое,

Потому что
жизнь его другая.

За судьбу его не беспокоюсь:

Пусть горит она в больших пожарах.

Машинистом будет – предоставят поезд,

Летчиком – машины есть в ангарах.

Корабли плывут в пустыне водной,

Облака над ними кружевные.

На росе, прозрачной и холодной,

Яблони стоят живые.

Лишь одна забота сердце мучит

И, как дождик частый, бьет в глаза:

От Берлина наплывают тучи,

Из Японии – идет гроза.
И за то,
 чтоб мир оковы скинул,
Чтоб навек ушли
 печали, беды,
Виктор – я даю название сыну,
Потому что
 Виктор —
 есть Победа.

1936 г.

Море

Всё неподвижно в царстве зноя,
Лишь море перемен полно —
То синее, то голубое,
То зелёную подернуто оно.
Мрачнеет, снова расцветает.
Так от начала до конца
Оттенки разные меняет,
Как выражение лица.
Нет на земле чудес, нет сказок!
Лишь мудрость тайная картин:
В движенье волн и в смысле красок —
Жизнь потаенная глубин.
Всё, как во мне, в морском просторе —
И гнев, и радость, потому
Мы, только раз увидев море,
Стремимся вновь и вновь к нему.

1930-е гг.

Владимир Аврущенко

1908–1941

Владимир Израилевич Аврущенко родился в 1908 году на Украине. В 1930–1931 годах В. Аврущенко проходил действительную военную службу в танковом полку. В это же время он подготовил к печати свою первую книгу стихов – «Четвертый батальон», которая вышла в свет в 1932 году. В течение всей службы в армии поэт состоял членом редакционного совета Государственного военного издательства. Демобилизовавшись, Аврущенко поступил в Литературный институт, одновременно работая на радио и в газете. Был редактором «Красноармейской газеты», часто выезжал в командировки.

В 1935 году вышел сборник стихов В. Аврущенко «Полтава», а в 1937 году – сборник «Сады». Поэт занимался в это время и переводами – одним из первых стал переводить украинского поэта Владимира Сосюру, осетина Коста Хетагурова.

25 июня 1941 года военный журналист, старший политрук Владимир Аврущенко был уже на фронте. Его стихи печатали в армейской газете «Боевой поход».

Осенью 1941 года В. Аврущенко вошел в группу бойцов, прикрывавшую отход 5-й армии Юго-Западного фронта. Поэт был ранен и попал в плен. Фашисты, обозленные его смелостью, не просто убили Аврущенко, а зверски казнили. В древности варвары привязывали пленных к хвостам коней и разрывали пополам. Фашистские варвары заменили коней

танкетками...

Погиб Володя неподалеку от своих родных мест, в районе города Пирятина на Полтавщине, там, где во времена Петра I шведы безуспешно искали путь к Москве. Теперь одна из улиц города названа его именем.

Клятва

Моя страна могучая,
Социализма Родина!
Тебе все наше лучшее
И жизнь тебе вся отдана.

Годами счастье мерила,
Навеки радость строила,
Теперь – судьбу доверила,
Оружьем удостоила.

Нам смерть принять в сражении,
В бою погибнуть – краше,
Чем видеть угнетение,
Порабощенье наше.

Но кровью обогрелой
Землей клянемся этой:
Советские знамена
Мы пронесем с победой!

Юго-Западный фронт, 24 августа 1941 г.

«В тени знамен, нахохленных, как птицы...»

В тени знамен, нахохленных, как птицы,
Лежит боец, смежив свои глаза,
В которых, может быть, еще дымит
И чуть заметно движется гроза.
Он спит. И времени текут потоки.
И в напряженной снится тишине,
Что ты, мой друг, читаешь эти строки
Как лучший дар, как память обо мне...

1934 г.

Джек Алтаузен

1907-1942

Настоящее имя Яков Моисеевич Алтаузен. Родился 14 декабря 1907 года на одном из Ленских приисков в семье старателя.

В одиннадцать лет по стечению обстоятельств попал в Китай. Жил в Харбине, Шанхае, работал мальчиком в гостиницах, продавал газеты, служил в качестве боя на пароходе, курсировавшем между Шанхаем и Гонконгом. Вместо прежнего имени Алтаузену было присвоено и записано в документ имя Джек.

Вскоре из Харбина Яков добрался до Читы, где встретился с Иосифом Уткиным, который помог ему добраться до Иркутска и принял участие в дальнейшей судьбе Алтаузена. В Иркутске он некоторое время работал на кожевенном заводе, на лесосплаве и одновременно восполнял пробелы в учении.

В конце 1922 года Алтаузен вступил в комсомол. В 1923 году по комсомольской путевке приехал на учебу в Москву, занимался в Литературно-художественном институте, где на него обратил внимание Валерий Брюсов.

В конце 1920-х годов Алтаузен работал в редакции газеты «Комсомольская правда» в должности секретаря литературного отдела, которым тогда заведовал Иосиф Уткин.

Когда в 1939 году началась Советско-финская война, Джек Алтаузен одним из первых подал заявление в Наркомат обороны. Он писал, что готов немедленно выехать для

работы в печати действующей армии или в войсках как политрук. Разрешение он получил лишь в марте 1940 года и прибыл на Карельский перешеек, когда война уже заканчивалась.

С началом Великой Отечественной войны Алтаузен стал военным корреспондентом газеты «Боевая красноармейская» 12-й армии Юго-Западного фронта, затем в газете «Звезда Советов» 6-й армии.

К годовщине Октябрьской революции он – первым из поэтов Великой Отечественной – был награжден орденом Красного Знамени.

Погиб 25 мая 1942 года под Харьковом, участвуя в неудавшемся наступлении в районе Изюм-Барвенково-Лозовая.

Родина смотрела на меня

Я в дом вошел, темнело за окном,
Скрипели ставни, ветром дверь раскрыло, —
Дом был оставлен, пусто было в нем,
Но всё о тех, кто жил здесь, говорило.

Валялся разный мусор на полу,
Мурлыкал кот на вспоротой подушке,
И разноцветной грудой в углу
Лежали мирно детские игрушки.

Там был верблюд, и выкрашенный слон,
И два утенка с длинными носами,
И дед-мороз – весь запылится он,
И кукла с чуть раскрытыми глазами.

И даже пушка с пробкою в стволе,
Свисток, что воздух оглашает звонко,
А рядом, в белой рамке, на столе,
Стояла фотография ребенка...

Ребенок был с кудряшками, как лен,
Из белой рамки, здесь, со мною рядом,
В мое лицо смотрел пытливо он
Своим спокойным, ясным синим взглядом...

Стоял я долго, каску наклоня,
А за окном скрипели ставни тонко.
И Родина смотрела на меня
Глазами белокурого ребенка.

Зажав сурово автомат в руке,
Упрямым шагом вышел я из дома
Туда, где мост взрывали на реке
И где снаряды ухали знакомо.

Я шел в атаку, твердо шел туда,
Где непрерывно выстрелы звучали,
Чтоб на земле фашисты никогда
С игрушками детей не разлучали.

1941 г.

Партбилет

Под ясенем, где светлый луч бежал,
Боец, сраженный пулей в полдень ясный,
Сверкая каской, в полный рост лежал
Лицом на запад, мертвый, но прекрасный.

Как твердо стиснут был его кулак!
Рука его была так крепко сжата,
Что не могли ее разжать никак
Два белобрысых зверя, два солдата.

Они склонились в ярости над ним, —
Скоты таких упорных не любили, —
Кололи грудь ему штыком стальным
И кованым прикладом долго били...

Но все равно, сквозь злобный блеск штыка,
Как верный символ нашего ответа,
Тянулась к солнцу сжатая рука
С простреленным листочком партбилета.

9 мая 1942 г.

Александр Артёмов

1912–1942

Александр Александрович Артёмов родился в 1912 году. Подростком вместе с родителями приехал на Дальний Восток. Стихи писать начал с пятнадцати лет. Печатался в дальневосточных изданиях московских и ленинградских журналов.

Творчество Александра Артёмова неотделимо от Дальнего Востока. Поэт вдоль и поперек исколесил Приморье, часто встречался с воинами, охранявшими дальневосточные границы, изучал историю Сибири и Дальнего Востока, писал о Витусе Беринге, Семене Дежневе, написал также цикл стихотворений о героях гражданской войны.

Поэт часто встречался с пограничниками, участниками боев на Халхин-Голе и озере Хасан. Эти встречи также дали богатый материал для стихов.

В 1939 году в Дальгизе выходят две книги Артёмова: сборник «Тихий океан» и стихотворная книжка для детей «Приключение трех медвежат», а в 1940 году – сборник «Победители».

В 1940 году Александр Артёмов поступил в Литературный институт им. М. Горького, но учился недолго.

В июне 1941 года Артёмов, как и все его товарищи по курсу, ушел добровольцем на фронт; в 1942 году он погиб в бою.

Знамя

Уже остывает нагретый разрывами камень,
Уже затихает гремящий с утра ураган.
Последний бросок. Из последних окопов штыками
Бойцы выбивают и гонят с вершины врага.

Как мертвые змеи, опутали сопку траншеи,
Бетонные гнезда пологий усыпали скат,
И, вытянув к небу холодные длинные шеи,
Разбитые пушки угрюмо глядят на закат.

И встал командир на земле, отвоеванной нами,
Изрытой снарядами и опаленной огнем,
И крикнул ребятам: «Товарищи, нужно бы знамя!...»
Поднялся, шатаясь, с земли пулеметчик. На нем

Висели клочки гимнастерки, пропитанной потом,
Обрызганной кровью. Он вынул спокойно платок,
Прижал его к ране, прожженной свинцом пулемета,
И вспыхнул на сопке невиданно яркий цветок.

Мы крепко к штыку привязали багровое знамя,
Оно заиграло, забилося на сильном ветру.
Обвел пулеметчик друзей голубыми глазами
И тихо промолвил: «Я, может быть, нынче умру,

Но буду гордиться, уже ослабевший, усталый,
До вздоха последнего тем, что в бою не сробел,
Что кровь моя знаменем нашего мужества стала,
Что умереть за Отчизну достойно сумел...»

Над темной землей и над каменной цепью дозорной,
Над хилым кустарником, скошенным градом свинца,
Горела звездой между скал высоты Заозерной
Священное знамя, залитое кровью бойца.

1939 г. Владивосток

Наступление

Пугливо метнулись вороны
Над врытыми в снег валунами.
Вся в оспинах черных воронок
Поляна легла перед нами.

Немного правей, у болота,
Где бой завязался, наверно,
Как дятлы, стучат пулеметы,
Упорно и чуточку нервно.

Мы прыгаем с кочки на кочку,
Ложимся, за ротою рота,
И ухает глухо, как в бочку,
За спинами бас миномета.

«Вперед!...» Поднимаемся молча,
Повзводно, готовые к бою.
Над нами тягуче, по-волчьи,
Снаряды бризантные воют.

Невидные лыжные тропы
К поляне ведут, а за нею
От едкого дыма темнеют
В пологих сугробах окопы.

До них недалеко. Мы снова
Встаем, ожидая приказа.
Короткое резкое слово
По ротам проносится сразу.

«В атаку!...» Четыреста глоток
«Ура!» понесли, подхватили
На скованных льдами болотах,
В наносах серебряной пыли.

Когда же надолго устали
Гранаты греметь,
Над штыками
Деревья, как пленные, встали
С простертыми к тучам руками.

Март 1940 г. Москва

Вячеслав Афанасьев

1903–1943

Вячеслав Николаевич Афанасьев родился в 1903 г. в Тамбове. В 1908 г. умер отец, оставив семью без средств к существованию. Детей в семье было пять человек, поэтому тяжело и безрадостно протекали детские и юношеские годы Славы в борьбе за существование.

В 1918 году он вступил в комсомол, стал бойцом чоновского отряда. Учился в коммерческом, затем в педагогическом училищах Тамбова.

В 1921 г. Афанасьев уехал на Дальний Восток в поисках заработка. Там он работал на Сучанском руднике. Был молотобойцем, маляром, прессовщиком бумаги, сортировщиком ракушек на перламутровой фабрике, работал на льно-трепалке.

В 1925 г. поступил на факультет восточных языков Дальневосточного университета.

Первые стихи публиковал в периодической печати. В 1935 году Дальгиз выпустил сборник стихов Афанасьева «Восток», в 1938 году вышел второй сборник – «Стихи», а в 1939 году в Москве – последний прижизненный сборник «Приморье».

Великая Отечественная война застала Афанасьева в Москве. Поэт ушел добровольцем в народное ополчение, затем – в партизанский отряд. Погиб Вячеслав Афанасьев в сентябре 1943 года в бою за освобождение Смоленска.

«Застигнутый последней метой...»

Застигнутый последней метой
И не успев всего допеть,
Благословлю я землю эту,
Когда придется умереть.

Благословлю ее за воздух,
Дыша которым был я смел,
За светлых рек живую воду,
Где телом и душой свежел.

За поле знойное пшеницы,
За села и за города,
За наш достаток, где хранится
Зерно и моего труда.

Благословлю земли просторы,
Где жил я здесь в наш светлый век,
Любил ее моря и горы,
Как мог свободный человек.

Что здесь учился у народа
Петь песни ясной простоты
И украшать трудом природу
Во имя счастья и мечты.

1940 з.

Иртыш

Река – угля черней – угрюмо
Играет с белой луной.
Косматым полчищем Кучума
Над ней камыш кипит густой.
Издревле грозное – Иртыш! —
В рябую ширь шуршит камыш
И, будто кольцами литыми,
Блится лунной чешуей
И то отпустит, то поднимет
На волнах панцирь золотой.

Огромным телом Ермака
Простерлась буйная река.
Железный мост, как звездный пояс,
Там отразился двойником.
Сквозь цепь огней грохочет поезд,
И дебри повторяют гром.
Летит, алмазами сверкая,
Экспресс Москва – Владивосток.
И белый пар над ним порхает,
Как бы почтовый голубок.

Прозрачным воздухом Сибири
Легко дышать. Ночь хороша!
И вижу я: над водной ширью

Встает казацкая душа.
Встает, плывет туманом сизым,
Купаясь в лунном серебре.
Ее глазами весь обрызган,
Экспресс быстрее летит к заре.
Те слезы в сердце мне упали
И закипели на глазах,
И я кричу в ночные дали:
«Спасибо за Сибирь, казак!»

1941 г.

Всеволод Багрицкий

1922–1942

Всеволод Эдуардович Багрицкий, сын известного советского поэта, родился 19 апреля 1922 года в Одессе. В 1925 году семья Багрицких переехала в подмосковный поселок Кунцево, а в 1930 – в Москву. В 1934 году умер отец, а в 1937 была репрессирована мать. С этого времени Багрицкий жил один. Первые его стихи были помещены в школьном рукописном журнале «Зеркало», затем в 1938–1939 годах он работал внештатным литературным консультантом «Пионерской правды».

С 1940 года В. Багрицкий учился и работал в Московской Государственной театральной студии, руководимой А. Арбузовым и В. Плучеком. Им написаны песни для спектакля «Город на заре», затем – вместе с К. Кузнецовым и А. Галичем – пьеса «Дуэль». С первых месяцев войны В. Багрицкий работал в «Литературной газете» и учился в Литературном институте. В октябре 1941 года он, освобожденный по состоянию здоровья от воинской службы (близорукость), был эвакуирован в Чистополь.

В январе 1942 года, лишь после настойчивых просьб, он получил назначение в газету «Отвага» Второй ударной армии Волховского фронта, которая шла с юга на выручку осажденному Ленинграду.

Всеволод Багрицкий погиб 26 февраля 1942 года в деревне Дубовик около Любани, во время массированного налета вражеской авиации, при выполнении боевого задания. Похо-

ронен возле села Сенная Кереть, недалеко от Чудова.

В. Багрицкий посмертно награжден мемориальной медалью литературного конкурса имени Н. Островского, проводившегося Союзом писателей СССР и издательством «Молодая гвардия».

«Нам не жить, как рабам...»

Нам не жить, как рабам,
Мы родились в России,
В этом наша судьба,
Непокорность и сила.

Не позднее 23 декабря 1941 г.

Ожидание

Мы двое суток лежали в снегу.
Никто не сказал: «Замерз, не смогу».
Видели мы – и вскипала кровь —
Немцы сидели у жарких костров.
Но, побеждая, надо уметь,
Ждать, негодую, ждать и терпеть.
По черным деревьям всходил рассвет,
По черным деревьям спускалась мгла.
Но тихо лежи, раз приказа нет,
Минута боя еще не пришла.
Слушали (таял снег в кулаке)
Чужие слова, на чужом языке.
Я знаю, что каждый в эти часы
Вспомнил все песни, которые знал,
Вспомнил о сыне, коль дома сын,
Звезды февральские пересчитал.
Ракета всплывает и сумрак рвет.
Теперь не жди, товарищ! Вперед!
Мы окружили их блиндажи,
Мы половину взяли живьем...
А ты, ефрейтор, куда бежишь?!
Пуля догонит сердце твое.
Кончился бой. Теперь отдохнуть,
Ответить на письма... И снова в путь!

1942 г.

«Мне противно жить не раздеваясь...»

Мне противно жить не раздеваясь,
На гнилой соломе спать.
И, замерзшим нищим подавая,
Надоевший голод забывать.

Коченея, прятаться от ветра,
Вспоминать погибших имена,
Из дому не получать ответа,
Барахло на черный хлеб менять.

Дважды в день считать себя умершим,
Путать планы, числа и пути,
Ликовать, что жил на свете меньше
Двадцати.

1941 г.

Борис Богатков

1922–1943

Борис Андреевич Богатков родился 2 октября 1922 года в селе Балахта Красноярского края в семье учителей.

С десяти лет (после смерти матери), воспитывался у тетки в Новосибирске. С детских лет увлекался поэзией и рисованием. В семнадцать лет Богатков за поэму «Дума о Красном флаге» получил грамоту на Всесоюзном смотре детского литературного творчества.

В 1940 году, после окончания десятилетки, он приехал в Москву. Работал проходчиком на строительстве метрополитена и учился в Литературном институте.

Началась Великая Отечественная война. Придя в военкомат, Борис попросил отправить его летное училище. Юноша мечтал о воздушных сражениях с фашистами, однако его определили в ряды авиационных техников. Это стало для него серьезным ударом и отразилось в творчестве. Так он написал после этого в одном из своих стихотворений:

ррр

«Значит, буду на аэродроме,
Буду не на фронте, а в тылу?»

Но Борис не смирился с судьбой и добровольцем ушел на фронт в составе пехоты. Однако уже осенью поэт получил тяжелую контузию и был демобилизован в Новосибирск. В течение нескольких месяцев работал в новосибирских «Окнах ТАСС», сотрудничал на радио и в газете «Красноармей-

ская звезда».

В декабре 1942 года Богаткову удалось добиться возвращения на фронт. Он был зачислен в Сибирскую добровольческую дивизию командиром взвода автоматчиков.

Гвардии старший сержант Богатков погиб 11 августа 1943 года во время атаки на Гнездиловских высотах (Смоленское направление). Он посмертно награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Имя Богаткова навечно занесено в списки дивизии. Его именем названа также одна из улиц Новосибирска.

«На родном зауральском заводе...»

На родном зауральском заводе
Крепко сделан, фашистам на страх,
Он у каждого есть в нашем взводе,
Он в надежных гвардейских руках.

Мы прогоним врага до границы,
С боем вражий рубеж перейдем.
До проклятой фашисткой столицы,
С автоматом сибирским пройдем!

Метко бьет по своре грязной
Вороненый верный брат,
Беспощадный, безотказный,
Наш гвардейский автомат!

1942 г.

Девять ноль-ноль

Не жизнью – патронами дорожа,
Гибли защитники рубежа
От пуль, от осколков мин.
Смолкли винтовки... И наконец
В бою остались: один боец
И пулемет один.
В атаку поднялся очередной
Рассвет. Сразился с ночной мглой,
И отступила мгла.
Тишина грозовая. Вдруг
Матрос слышал негромкий стук.
Недвижны тела,
Но застыла над грудой тел
Рука. Не пот на коже блестел —
Мерцали капли росы.
Мичмана, бравого моряка,
Мертвая скрюченная рука,
На ней – живые часы.
Мичман часа четыре назад
На светящийся циферблат
Глянул в последний раз
И прохрипел, пересилив боль:
«Ребята, до девяти ноль-ноль
Держаться. Таков приказ».
Ребята молчат. Ребята лежат.

Они не оставили рубежа...
Дисков достаточно. С ревом идет,
Блеск штыков выставляя вперед,
Атакующий вал.
Глянул матрос на часы: восьмой.
И пылающею щекой
К автомату припал.
Еще атаку матрос отбил.
Незаметно пробравшись в тыл,
Ползет фашистский солдат:
В щучьих глазах – злоба и страх.
Гранаты в руках, гранаты в зубах,
За поясом пара гранат...
Матрос с гранаты сорвал кольцо,
Дерзко крикнул врагу в лицо:
«Ну, Фриц! Взлетим, что ль,
За компанию до облаков?»
...От взрыва застыли стрелки часов
На девяти ноль-ноль.

1942 г.

Дмитрий Вакаров

1920-1945

Дмитрий Онуфриевич Вакаров родился в 1920 году в селе Иза (Закарпатье). Его отец, крестьянин-бедняк, в надежде разбогатеть трижды ездил в Америку. Но вернулся таким же нищим, как уехал, и в придачу – больным. С детства Дмитрий познал голод и несправедливость. Однако нужда, лишения не сломили рано возмужавшего юношу. В 1938 году, еще учась в хустской гимназии, Дмитрий Вакаров начал писать смелые революционные стихи.

Весной 1939 года хортиевская Венгрия оккупировала Закарпатье и установила здесь режим фашистского террора. В обстановке арестов и расстрелов Вакаров продолжал вести коммунистическую пропаганду. Он с надеждой следил за освободительным походом Советской Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию.

Осенью 1941 года Вакаров поступил на филологический факультет Будапештского университета. Зарабатывал на жизнь, преподавая русский язык в школе иностранных языков. В Будапеште молодой поэт установил связь с антифашистским подпольем. В марте 1944 года Дмитрий Вакаров был схвачен венгерской контрразведкой и «за измену родине» приговорен военным трибуналом к пожизненной каторге. В ноябре того же года Вакарова отправили в лагерь смерти в Дахау, лишили имени и фамилии, дав арестантский номер. В конце декабря он был переведен в концлагерь Нацивейлер, где царили порядки еще более чудовищные, чем в

Дахау. В марте 1945 года, когда американская авиация разбомбила заводы и сооружения вокруг Нацивейлера, Вакарова вместе с другими заключенными перевели в концентрационный лагерь Даутмерген. Здесь фашистские изуверы решили направить истощенного юношу на «лечение», т. е. на смерть в специальных камерах. Поэт не пожелал «лечиться», оказал сопротивление и был убит гитлеровцами.

Имя и поэзия Дмитрия Вакарова приобрели известность после Великой Отечественной войны, в 50-е годы, когда его стихи стали публиковаться в журналах и газетах. До нас дошла сравнительно небольшая их часть, относящихся преимущественно к раннему периоду. Произведения последних лет жизни поэта были конфискованы венгерской полицией в 1944 году и, очевидно, погибли.

Бунтари

Детство без ласки,
жить без любви...
сердце, мужайся —
мы бунтари!

Ждем мы с востока
волю и свет.

Братьям далеким
шлем мы привет.

Хватит молитвы;
юность, гори!
Жизнь наша — битва,
мы — бунтари!

«Не помогут нам стоны...»

Не помогут нам стоны,
Нас не выручит плач, —
Их не знают законы,
Их не слышит палач.

Не помогут молитвы,
О, поверь мне, бедняк!
Ты готовься для битвы,
Крепче стисни кулак!

Без борьбы нет победы,
Нет иного пути, —
За отцов и за дедов
Отплати, отомсти!

Без борьбы нет свободы,
Нет иного пути, —
За все кривды народа
Отплати, отомсти!

Леонид Вилкомир

1912–1942

Леонид Вульфович Вилкомир родился в 1912 году в Старой Бухаре в семье служащего. Там он провел детство и первые школьные годы. Затем переехал в Москву.

В Москве он окончил среднюю школу и пошел рабочим на завод «Борец». Здесь вступил в литературный кружок «Штурм» и в литкружковском сборнике опубликовал свои первые поэтические опыты. В 1931 году Вилкомир с группой товарищей поехал в Нижний Тагил и стал сотрудником местной газеты. Так в его творчество вошла тема Урала, которому посвящены многие его очерки и стихотворения.

В 1934 году Вилкомир поступил учиться в Литературный институт им. Горького.

В 1938 году был призван в армию, просился на Дальний Восток, но получил направление в редакцию «Красной звезды». За десять предвоенных лет Вилкомир немало путешествовал. В его дорожных блокнотах упоминается более пятидесяти городов. С начала Великой Отечественной войны Леонид Вилкомир – на фронте. «Красная звезда» публикует его очерк, написанный после полета на штурмовике, громившем вражеские объекты. Вилкомир летает на боевых самолетах, входит в состав танковых экипажей.

19 июля 1942 года в районе Новочеркасска был сбит наш штурмовик, на котором Леонид Вилкомир выполнял обязанности стрелка-радиста. В официальном сообщении командования части о гибели Л. Вилкомира говорится: «19 июля

1942 г. на аэродром, где дислоцируется 103 ШАП¹, прибыл корреспондент „Красной звезды“ старший политрук т. Вилкомир за получением информации о боевых действиях летчиков. Узнав о предстоящем вылете группы самолетов на боевое задание, тов. Вилкомир стал проситься взять его в полет. Командир и военком части отказали ему в просьбе. Тогда тов. Вилкомир обратился к находящемуся в то время на аэродроме командиру 216 ИАД² генерал-майору авиации тов. Шевченко. Генерал вначале отказал в просьбе, но потом вследствие настойчивой просьбы тов. Вилкомира дал свое согласие. Тов. Вилкомир полетел на ведущем самолете, который пилотировал лейтенант тов. Маслов. При выполнении боевого задания самолет был подбит с танковой пушки противника на высоте 400 метров и упал на землю в районе станции Ермаковская – территория занята противником. Летчик лейтенант тов. Маслов и корреспондент тов. Вилкомир в часть не возвратились».

¹ ШАП – штурмовой авиационный полк.

² ИАД – истребительная авиационная дивизия.

«Жизнь моя не повторится дважды...»

Жизнь моя не повторится дважды.
Жизнь не песня, чтобы снова спеть
Так или иначе, но однажды
Мне придется тоже умереть.

Как бы я ни прожил свои годы,
Я прошу у жизни: подари
Вкус воды и запах непогоды,
Цвет звезды и первый взлет зари.

Пусть и счастье не проходит мимо,
Не жалея самых светлых чувств.
Если смерть и впрямь неотвратима,
Как я жить и думать разучусь?

1935 г.

Бессмертие

Мы ели хлеб и пили воду.
Не до веселья было нам.
Мы покоряли непогоду,
Считая годы по зубам.

Я сохраню былую ярость,
Войдя к потомкам поутру.
У них, как памятник, состарюсь,
Как память сдам, но не умру.

1936 г.

Наше время

Мы жаркою беседой согревались,
Мы папиросным дымом одевались
И у «буржуйки» сиживали так.
В такие дни покой невероятен,
А дым отечества и сладок и приятен,
Окутавший наш проливной барак.

Он сбит в осенней непогоде вязкой
С обычной романтической завязкой —
В лесу, в дождях, в надежде и в дыму.
Я потому об этом вспоминаю,
Что лучшего я времени не знаю,
По силе чувства равного ему.

Какое это было время, дети!
Мы жили в тьме и вместе с тем на свете,
На холоде у яростных костров.
Мы спали под открытым небом, в доме,
В кабинах экскаваторов и громе
Неугомонных наших тракторов.

А по утрам хлебали суп из сечки,
Приветливо дымящийся на печке,
И были этим сыты до зари.
Мы думали о вредности излишеств,

Роскошнее не ведали из пиршеств,
Чем с чаем подслащенным сухари.

Когда фундамент первый заложили,
От счастья замерли, а впрочем, жили
Невероятно гордые собой.
Мы день кончали песней, как молитвой,
Работу нашу называли битвой.
И вправду, разве это был не бой?!

Я не могу вам передать эпохи.
Нет слов других, а эти, может, плохи.
Я лучше случай расскажу один.
Пришел сентябрь – в округе первый медник.
Одел он свой протравленный передник,
В его руках паяльник заходил.

Уже леса покрылись медным цветом,
Последняя гроза прощалась с летом,
Стремительнее двигалась вода.
А тут еще нагрянул дождь-подстёга.
Рекою стала главная дорога.
Так с непогодой к нам пришла беда.

Вода в плотину бешено вгрызалась.
Всю вражескую ненависть, казалось,
Она в себя вобрала в эту ночь.
Как мы тогда стремительно бежали,
Как выросли в ту ночь; и возмужали,

Готовые погибнуть, но помочь!

К утру, измотанные трудным боем,

Мы поняли, что мы чего-то стоим.

Мы вышли победителем ее.

Белье сухое показалось негой,

А дом из досок – сладостным ночлегом,

Геройской славой – наше бытие.

1937 г.

Александр Гаврилюк

1911-1941

Александр Акимович Гаврилюк родился в 1911 году в селе Заболотье, Бельского уезда, в Западной Украине.

Когда отца в 1914 году мобилизовали в царскую армию, семья Гаврилюков эвакуировалась в Петроград, затем жила в Воронежской и Харьковской губерниях. После Октябрьской революции семья возвращается в родное село, где отец Гаврилюка возглавлял революционный комитет. Однако вскоре эти земли были оккупированы белополяками.

А. Гаврилюк в 20-е годы стал активным общественно-политическим деятелем в среде революционной молодежи, вступил в коммунистическую партию.

В 1929 году А. Гаврилюк был арестован польской полицией и находился пять месяцев в тюрьме. В 1937 году его бросили в концентрационный лагерь Береза-Картузская. Вторично он попал в этот лагерь в 1939 году, его освободила Красная Армия.

Литературную деятельность начал в 1929 г. Первое стихотворение Александра Гаврилюка «Воспоминания политзаключенного» написано в тюрьме (впоследствии слова стихотворения стали текстом популярной революционной песни).

В 30-е годы А. Гаврилюк много писал, хотя подвергался постоянным преследованиям. После воссоединения Западной Украины с Советским Союзом вышел в свет его первый сборник «Стихи» (1941).

Погиб вместе со своим товарищем и другом по революционной и литературной работе Степаном Тудором в первый день Великой Отечественной войны во Львове от случайного попадания немецкой авиабомбы.

«Вот фрагмент березняцкой ограды: меж столбами колючка густая...»

Вот фрагмент березняцкой ограды: меж столбами
колючка густая,

Прочно скручена, спутана цепко, злыми, ржавыми свита
узлами,

В острых зубьях; натянута туго, путь в грядущее нам
преграждая,

Сплошь бурьяном глухим зарастая, – всюду, всюду она
перед нами.

На шипах этих птица повисла, что легко и свободно
летела,

И расшиблась об это железо, и застыла в смертельном
бессильи.

На дожде полиняло, обмякло мертвой ласточки легкое
тело,

Будто крик онемевший, в колючках безнадежно
запутались крылья.

Быстрой молнией птица сверкала в синеве, с облаками
бок о бок.

Жизнерадостным гордым полетом песню сердца она
выражала.

В лопухах, не заметив измены, позабыв о палаческой
злобе,

Вмиг разбила она свое сердце, разодрала колючкою

ржавой.

Что ей смысл этой мрачной ограды? Птицам трудно
поверить, наверно,

Что судьба человека прекрасна, словно доля порхающей
птицы,

Что, хоть кровь наших ног орошает путь тернистый и
трудный безмерно,

Всё ж мы видим, куда он ведет нас, и вперед не устанем
стремиться.

А ограду — скажу я пернатым — в гиблых топях
несчастливого края

Воздвигает презренное племя, мертвечиной пропахшая
стая,

И, бессильной сжираема злобой, за колючки она загоняет
Тех, что в первых шеренгах похода шли, сердцами наш
путь озаряя.

Пусть дорога всё круче и круче, пусть идти нам,
измученным, тяжело,

Никогда не свернем, не отступим, обнимая грядущее
взглядом,

Хоть не раз мы, должно быть, как эта без оглядки
летевшая пташка,

Раздерем свою грудь о железо...

Вот фрагмент березняцкой ограды.

1937 г.

«Меж колючек ощеренных, словно...»

Меж колючек ощеренных, словно
Злые жала, у стен, без движенья —
Два ряда номерованных, ровных, —
Мы стояли, готовы к мученьям.
А за нами, за каторжным полем,
Где трава порыжела от пыток,
Сердце снова стремилось на волю,
Порывалось к просторам открытым.
Лютый Питель глумился над нами,
А над карцера зданием хмурым
Тучи шли, собирались упрямо,
С юга, с севера двигались бури.
Тишина еще всюду стояла,
В небе краски заката горели.
Тучи, тронуты отсветом алым,
Шли, как мы в прошлогоднем апреле!
Словно рушились грозные скалы,
Повисая над тихой лазурью.
И стучало, стучало, стучало
Наше сердце, влюбленное в бурю.
И таким показался плюгавым
Строй жандармов, закон их позорный
Перед доблестью этой и славой,
Перед схваткой стихий непокорных.
И внезапно с небес этих гневных,

Обгоняя идущие тучи,
Словно радостный клич, прогремел нам
Первый гром, молодой и могучий.
Пали капли дождя, словно слезы
Не печали, а светлого счастья.
И вбирало все бури, все грозы
Наше сердце, открытое настежь.
Так мы слушали грома раскаты,
Свежесть ливня вдыхая всей грудью.
«Надо выдержать, выстоять надо,
Вы сильнее, чем стихия, вы – люди!
Мир прекрасен в борьбе и дерзании.
Тот, что мира такого частица,
Тот пройдет через все испытанья,
Тот угроз и смертей не страшится».
... И хоть гнал нас охранник проклятый
И придумывал новые зверства,
Мы летели, как стая крылатых,
В мир на крыльях, растущих из сердца.

1937 г.

Непредвиденный эпилог

Ты, запев мой, гневный и горячий,
До поры скрывавшийся во мгле,
Дождались и мы такой удачи,
Чтоб идти свободно по земле.

Не терял я твердости и воли,
Загнанный, как зверь, в одну из нор,
Мог писать я только лишь в подполье,
Но писал – врагам наперекор.

А когда война зловещей тенью
К нам пришла и принесла беду,
Я украдкой слов своих плетенье
Закопал под вербою в саду.

Пусть шумят паны, пока не сгинут,
Для меня их злоба не нова.
И тогда своей жене и сыну
Завещал сберечь я те слова.

«Вы не лейте слез, – сказал я глухо, —
Я прошу вас песню сохранить.
Пусть меня убьют они, но духа,
Что остался в песне, не убить!»

... И опять я с волею простился,
И опять я брошен был во мглу,
И опять в Березе очутился
На холодном каменном полу.

Тысячи людей сухих, как жерди,
Согнанных тюремщиком в ряды,
Шли неотвратимо в лапы смерти
Под плетью, без хлеба и воды.

Наконец однажды среди ночи,
Сквозь горячку голода и тьмы,
Услыхали голоса рабочих
За колючей проволокой мы.

Это рухнул строй гнилой державы,
Это старый мир исчез, как сон.
А с востока, вся в сияньи славы,
К нам свобода шла через кордон.

Полицаи в дебрях укрывались,
Их душили ненависть и страх, —
Но уже победно развевались
Красные знамена на домах.

Двадцать лет судьбы моей суровой —
Двадцать книг, загубленных в огне.
Но уже слова поэмы новой
Возникали радостно во мне.

Люди улыбались нам сквозь слезы.
Мы в толпе, как призраки, брели.
И когда настал конец Березы,
Я достал тетрадку из земли:

С командиром Армии Червонной
Песни мной на свет извлечены
В день моей надежды воплощенной,
В осень, что милей любой весны.

Ты бурлил взволнованной толпою,
Морем стягов и людских голов,
В час, когда я встретился с тобою,
Милый мой, освобожденный Львов.

Поднимайся, песня, на свободе!
Ты жива, ты долго будешь жить,
Чтоб прикончить панское отродье
И могильным камнем привалить.

Я во вражье сердце это слово
Будто кол осиновый всадил,
Чтоб не смел видением бывшего
Панский дух являться из могил.

1940 г.

Мирза Геловани

1917-1944

Мирза (Реваз) Гедеонович Геловани родился 2 марта 1917 года в селе Накалакари у подножия Тианетских гор. Его первые стихи, появившиеся в печати, когда автору было 18 лет, привлекли внимание великого Галактиона Табидзе. Мирза окончил Тионетский педагогический техникум, работал в школе, а потом корректором в тбилисском издательстве «Сабчота Мцeralи».

Был призван в армию в октябре 1939 года. Окончил танковое училище. Дослужился до комбата. И на фронте продолжал писать стихи. Сохранилось тридцать семь его военных стихотворений.

Мирза погиб на третий день операции «Багратион» 26 июня 1944 года при форсировании Западной Двины. Похоронен он был в лесу, у села Нижнее Кривино.

В поселке Тианете близ Тбилиси есть дом-музей Мирзы Геловани.

Простите

Меня умчала тряская теплушка,
А вы вдали остались на заре...
Но помню я печальную улыбку
И волосы, что листья в сентябре.

Я обещал, что возвращусь,
Что с фронта
Меня вернет к вам
Глаз печальных власть,
Но эти дни осенние,
 как воры,
Ту клятву собираются украсть.

И если сердце встретит пулю вражью
И упаду вперед я, как бежал,
Уж вы меня простите,
 да, простите,
Что не пришел и слова не сдержал.

1942 г.

Ты

Ты помнишь, мины рвались то и дело
И вся земля вокруг была черна?
Ты помнишь, пуля мимо пролетела,
Но сердце друга встретила она?
Лежал он у ограды церкви бывшей
В шинели непомерной ширины,
Еще не знавший счастья, не любивший,
Неделю не доживший до весны.
Взрывной волною сплюснен был и погнут
Его выдавший виды автомат...
И ты сказал, что главное – не дрогнуть
От скорби, испытаний и утрат.
Идем с боями... Медленные метры!
В глазах убитых – злых пожарищ медь...
Ничто и нас не оградит от смерти,
Коль не сумеем смерть мы одолеть.

1942 г.

У братской могилы

Выстрелы, кровь и стенанья... Едва ли
Я позабуду их вечером мирным...
Как замерзали, о, как замерзали
Зори вечерние во поле минном!..

Прерваны мысли. Раскиданы роты.
Вечер похож на кровавую рану.
Финским ножом, перерезавшим тропы,
Стужа звенит на путях к Ленинграду...

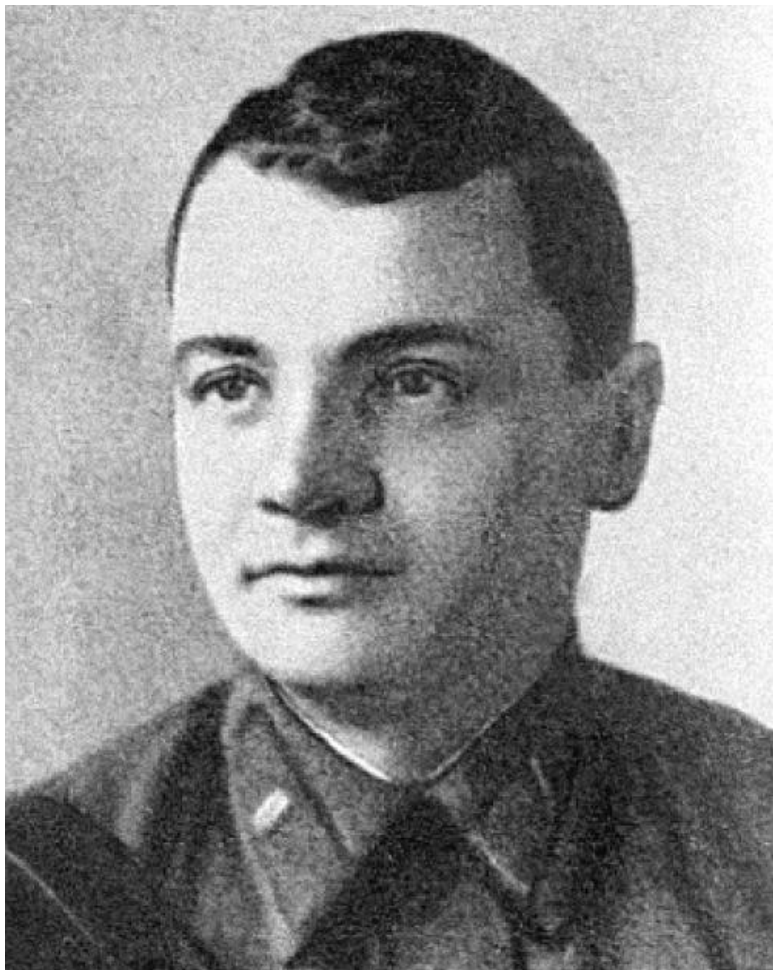
Пули устали к победному часу.
Пушки охрипли. И танки застыли.
Мы подымали победную чашу —
Ты был так близко, но ты был — в могиле.

Десять ранений. И возле кювета
Братский ваш холмик, неровный и голый.
Всё было немо... И только у ветра
Был твой негромкий и медленный голос.

1942 г.

Кость Герасименко

1907–1942

Константин Михайлович Герасименко родился в 1907 году в селе Приходьки на Полтавщине. Сын сельского учителя, окончив пирятинскую педагогическую школу, он сам стал учителем в Донбассе. С начала 30-х годов в донбасских газетах и альманахах печатаются стихи К. Герасименко; в 1933 году в Харькове выходит его первый сборник.

С 1935 года Кость Герасименко живет в Киеве. Вначале работает на кинофабрике, потом всецело отдается литературной деятельности. Одна за другой появляются его книги: «Сентябрь», «Память», «Дорога», «Портрет».

Влюбленный в Тараса Шевченко, К. Герасименко не только посвятил ему многие свои стихотворения, но и написал на сюжет «Катерины» пьесу «На большой дороге», им же написано либретто оперы М. Вериковского «Наймычка».

В первые же дни Великой Отечественной войны К. Герасименко идет в армию. Он сотрудничает в газетах «Знамя Родины» и «Звезда Советов». Он пишет по-русски и по-украински, из-под его пера появляются стихи, статьи, очерки, фельетоны.

В сентябре 1942 года в боях на Южном фронте К. Герасименко был тяжело ранен и вскоре скончался.

Из фронтового блокнота

Ідіть, думи, на Вкраїну.
Т. Шевченко

Батареи всю ночь грохотали,
А когда занялась заря,
Мы раскрыли и перечитали
Милый сердцу том «Кобзаря».
Фронтовые будни суровы.
Нежность... Некогда думать о ней,
Но Тарасово светлое слово
Ощущаешь сквозь бурю дней.
Прочитаешь – и вот приснится:
Жито, поле, над полем зной...
Иль весеннее марево, птицы
Возвращаются в край родной...
О земля моя, не пристало
Нам о тихих тропах мечтать,
Но меня ты заколдовала
И теперь – не могу я спать.
Только б встретить тебя, как друга,
Вновь к тебе, дорогая, прийти,
Там, где свищут буран и выюга,
Вечный след кобзаря найти.
Только знать бы, что здесь, у тына,
Молодая вишня цвела,

Что Шевченкова Катерина
Здесь когда-то молча брела.
Тополь стройный обнять бы в поле
И сказать, что каждый из нас
Не изменит священной воле,
Для которой страдал Тарас.
Край родимый, хоть ветром синим
Из далекой земли повеи:
Ты под немцем не сгорбил спину,
Ты встаешь всей силой своей!
И Холодный Яр оживает,
На врага ополчась, как встарь,
Из концлагеря убегает
Непокорный слепой кобзарь.
Он заходит в каждую хату,
Он приносит привет от нас:
«Подымайтесь, близка расплата!
Бейте недруга, в добрый час!»
И о землю гремят оковы,
И сквозь пламя, за рядом ряд,
Партизаны выходят снова —
Это факелы их горят.
Батареи гремят, негодуя...
Край родимый, с прижатым к груди
«Кобзарем» вновь к тебе иду я,
С гордым словом родимым. Жди!..

1941 г.

Песня

Нас атака ждала ночная,
А пока, дожидаясь тьмы,
Затянули, с чего – не знаю,
Невоенную песню мы.

В песне Ятрань-река петляла
И куда-то во мгле плыла.
Загляделся на реку малый —
Видно, в сердце тоска была.

Пули тихую песню скосили.
Ночь дымилась в разрывах бомб.
Мы в огонь и воду ходили,
Мы со смертью сходились в лоб.

И трава под ногами билась
Там, где вражья сочилась кровь.
Песня нам на рассвете снилась,
Мы потом ее пели вновь.

Я прошел за врагом по следу
Много верст и в метель, и в зной,
И всегда, как вера в победу,
Ходит песня со мною в бой.

Так иди по спасенным селам
Нежной песнею соловья,
Гневной, ласковой и веселой,
Боевая отрада моя.

Ну, а если паду от раны,
Если сердце замрет в груди,
Ты на поле среди тумана,
Ты меня на жнивье найди.

Не веди ты меня к кринице,
Только весело зазвени,
Только словом простым, сестрица,
Ты тогда на менядохни.

Расскажи мне, как Ятрань вьется
Там, на Киевщине родной,
Птицей сердце мое забьется,
Встану я и пойду на бой.

Встану я и от боя к бою
Понесу свой крылатый стяг.
Песня, будь же всегда со мною,
Будь подругой моей в боях!

1941 г.

Михаил Гершензон

1900–1942

Родился 8 июня 1900 г. в Одессе в семье педиатра. Окончил там гимназию, три года учился на естественном отделении Новороссийского университета. Увлечшись литературой, в 1921 году поступил в ВЛХИ. По окончании в 1925 году был оставлен при институте для научной работы, вел там практикум по строфике, подготовил к публикации книги «Композиция стихотворного материала» и «Теория художественного перевода» (в связи с закрытием ВЛХИ они остались неизданными). Член Союза писателей СССР с 1934 года. Работал редактором детской литературы в Госиздате, затем в Детгизе.

Автор вольного перевода «Сказок дядюшки Римуса» Джоэля Харриса, по поводу которого писатель Александр Етоев замечает:

«Имя Михаила Абрамовича Гершензона можно смело ставить на обложку „Сказок дядюшки Римуса“ рядом с именем Джоэля Харриса. <...> Невозможно уже представить Братца Кролика, Братца Лиса, Матушку Мидоус, Братца Черепаху и других персонажей сказки иначе, чем они существуют у Гершензона».

С июля 1941 года Михаил политработник, переводчик 8-й Московской стрелковой дивизии 5-й армии Западного фронта. 8 августа 1942 года был тяжело ранен в бою и вскоре умер в госпитале.

«Гершензон, который пересказал в прозе баллады о Ро-

бине Гуде, был поклонником Байрона и Шелли как личностей. В 1942 году погиб в Великой Отечественной войне, погиб, как Робин Гуд. Он был военным переводчиком, то есть человеком совершенно мало военным, и когда был убит командир батальона, выбежал вперед, поднял револьвер или какое там оружие, сказал: „Вперед, за мной!“, и люди пошли за ним, солдаты. Он погиб как герой, успев написать своей жене слова о том, что он счастлив, что принял достойную смерть. Совершенно робингудовская романтическая ситуация» (историк Наталья Басовская).

«Что случилось с небосводом?...»

Что случилось с небосводом? Никогда
Он не был так вместителен и емок.
От сизого рассвета до потемок
В нем ветер строит башни, города
Из облаков и туч. И синеве просторно,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.